

ҚАЗАҚСТАН
ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ
ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДЫҚ
ЕМЕС МӘДЕНИ МҰРАЛАРЫН
ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТОПОНИМИКА,
ЭПИГРАФИКА, ӨНЕР

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТОПОНИМИКА,
ЭПИГРАФИКА,
ИСКУССТВО

ӘОК 930.85
КБК 63.3
П 78

Кітап Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің нысаналы бағдарламалар бойынша қаржыландырылды және Мәдениет және спорт министрлігінің «Көшпенділердің тарихын, архелогиясын, этнографиясын, мәдениетін және өнеріне үйренуге қатысты қолданбалы ғылыми зерттеу жүргізу» атты ғылыми-зерттеу жобасын жүзеге асыру шеңберінде орындалды.

Редакция алқасы:

А. Р. Хазбулатов (төраға), И. В. Ерофеева (жауапты ред.), А. Е. Рогожинский, Н. Б. Базылхан

П 78 Қазақстан және Орталық Азия халықтарының материалдық емес мәдени мұраларын зерттеу мәселелері: топонимика, эпиграфика, өнер. Халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. – Алматы: «EVO PRESS» баспасы, 2014. – 292 б. + 32 б.

ISBN 978-601-230-050-5

Бұл жинақта, Қазақстан және Орталық Азия көшпелі халықтарының ежелгі дәуірден жаңа заманның соңына дейінгі материалдық емес мәдени мұраларын зерттеудің өзекті мәселелеріне арналған (Астана қаласында 2014 ж. қарашаның 18–19 күндері өткізілген) халықаралық ғылыми конференцияға қатысушылардың хабарламалары мен ғылыми мақалалары топтастырылды.

Жарияланып отырған материалдарда, Еуразиялық номадтардың алуан түрлі кезеңдеріндегі тарихи топонимикасы, эпиграфикасы, қуәлендіруші таңба-белгілері, өнері жайында отандық және шетелдік ғалым мамандардың жаңа ғылыми зерттеу нәтижелері қамтылды. Сондай-ақ, анықталынған топонимдік объектілердің қызметтік мән-жайы, көшпелі халықтардың тұрмыс-тіршілігінде көрініс тапқан сан-қилы мәтіндер мен бейнелер хақында талдау жасалынған. Олардың аумақтық көлемдегі номадтардың рухани мәдениеті ескерткіштері бола алатын құндылығы көрсетілді, маңыздылығы айқындалды.

УДК 930.85
ББК 63.3

ISBN 978-601-230-050-5

© Қазақ ғылыми зерттеу-мәдениет институты, 2014
© «EVO PRESS» ЖШС баспасы, 2014

Министерство культуры и спорта Республики Казахстан

Казахский научно-исследовательский институт культуры

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТОПОНИМИКА, ЭПИГРАФИКА, ИСКУССТВО

Сборник материалов международной научной конференции

г. Астана,
18–19 ноября 2014 г.

Издательство EVO PRESS
Алматы
2014

УДК 930.85
ББК 63.3
П 78

Издание осуществлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта
«Проведение прикладных научных исследований по изучению истории, археологии,
этнографии, культуры и искусства номадов» Министерства культуры и спорта и оплачено
за счет программно-целевого финансирования Министерства образования и науки
Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

А.Р. Хазбулатов (председатель), И.В. Ерофеева (отв. ред.), А.Е. Рогожинский, Н.Б. Базылхан

Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана
и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд.
П 78 науч. конф. – Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. – 292 с. + 32 с. вкл.

ISBN 978-601-230-050-5

В сборник вошли статьи и сообщения участников международной научной конференции
(г. Астана, 18–19 ноября 2014 г.), посвященной актуальным проблемам нематериального куль-
турного наследия кочевых народов Казахстана и Центральной Азии от эпохи античности до кон-
ца нового времени.

В публикуемых материалах отражаются результаты новейших научных исследований от-
ечественных и зарубежных специалистов по исторической топонимике, эпиграфике, удостове-
рительным знакам-тамгам и искусству евразийских кочевников разных эпох, рассмотрено функ-
циональное назначение выявленных топонимических объектов, изображений и текстов в разных
сферах жизни кочевых народов; раскрыто их значение как памятников духовной культуры нома-
дов региона.

УДК 930.85
ББК 63.3

ISBN 978-601-230-050-5

© Казахский научно-исследовательский
институт культуры, 2014
© ТОО «Издательство EVO PRESS», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии8

ЧАСТЬ 1

З. А. Джандосова, И. В. Ерофеева
Имя страны: история макротопонима *Қазақстан/Казахстан*10

Г. Абжанова
Основные проблемы топонимики Казахстана.
Топонимика Восточно-Казахстанской области.....25

Т. Т. Аршабеков
Бұқар жырау ауданы бойынша тарихи топонимдерінің ерекшеліктері.33

А. А. Бурыкин
Гидронимы Западной и Средней Сибири. Иртыш.39

А. П. Горбунов
Особенности формирования некоторых топонимов Казахстана46

З. А. Джандосова
Десять Туркестанов: разные значения одного топонима56

И. В. Ерофеева
Историческая топонимика Казахстана
как составная часть культурного наследия номадов.....66

С. Т. Кожамметова
Этимология топонима *Казалы*81

Е. Ж. Оразбек
Некоторые топонимы центральной Сарыарки
(по материалам этнографо-топонимической экспедиции 2014 г.)87

М. К. Семби
Тюркский фольклор как основа этимологизации топонимов.....94

Т. Д. Скрынникова
Отражение деятельности Чингис-хана в топонимике бурят99

ЧАСТЬ 2

А. Р. Хазбулатов	
Мир кочевников и мир искусства: зверинный стиль в системе мировоззренческих координат древних номадов.	109
С. Боранбаева	
Көкше өңірінің қазіргі заман музыкалық фольклоры.	118
И. В. Кульганек	
Монгольский поэтический фольклор: жанровый состав.	127
М. Муканов, М. Сулейменов	
Технология «гибкого чия» в искусстве современного казахского гобелена.	137
Б. Е. Оспанов, Ж. Н. Шайгозова, М. Э. Султанова	
Культ священных деревьев и домбра.	151
Қ. Ә. Төлен	
Сыбызғы жайлы сыр шертсек.	161
Н. С. Яхонтова	
Рукописное наследие ойратов в собрании Института восточных рукописей РАН.	176

ЧАСТЬ 3

Г. Бабаяров, А. Кубатин	
К вопросу о некоторых доисламских монетах Отрара.	183
Н. Базылхан	
Реконструкция и этимология некоторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII–XIV вв.	195
Д. Ж. Ерботина	
Малоизвестные материалы И. М. Казанцева по родословию Абулхаир-хана.	207
А. Курумбаев, Ж. Курумбаева	
Кулпытасы как памятники истории и эпиграфики Букеевской орды.	218
А. К. Муминов, А. Ш. Нурманова, Д. Е. Медерова	
Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана.	224

Мухарева А. Н.

Изображения тамг на памятниках наскального искусства севера Минусинской котловины.	237
Г. С. Мырзагалиева	
Изучение надгробных памятников некрополя Хан зираты.	248
А. Е. Рогожинский	
Сословно-династические знаки казахских торе.	262
Е. А. Смагулов, С. А. Яценко	
Новые находки серий доисламских знаков/тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром.	274
А. К. Таласбаева	
Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв.	283
Сведения об авторах.	288
Список сокращений.	290

Чимитдоржиев Ш. Б. Чингисхан и его эпоха в монголоведной литературе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции. 3-5 октября 2002 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003.

Борисов А. С. Олонхо – добро против мира победившего зла. 10.11.2004 / <http://evrazia.org/modules.php?name=New&file=article&sid=2038>.

**МИР КОЧЕВНИКОВ И МИР ИСКУССТВА:
ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ КООРДИНАТ
ДРЕВНИХ НОМАДОВ**

Хронотоп в культуре и соответственно в искусстве является одним из фундаментальных понятий. Результатом особого синтеза пространственно-временных концептов видится формирование целостной «модели мира» посредством конкретных предметных форм. В фокусе этого небольшого исследования находится скифосакский художественный металл как визуальная форма уникальной модели хронотопа ранних кочевников Центральной Азии – звериного стиля.

Самобытный образ жизни номадов обусловил сложение специфических мировоззренческих императивов, сохраняющих свою силу и значение до сих пор. В научном контексте мир кочевья до недавнего времени мерк перед оседлым, потому что к ним применялся одинаковый подход, несмотря на глобальную разность в системах. Более того, изучение феномена номадизма часто производилось на фоне оседлых культур, и не в пользу первых. Также бытовало устойчивое мнение, что эти миры кардинально изолированы друг от друга без всяких внутренних взаимосвязей, кроме элементарно обусловленных антропологических, географических и т.п.

Современный исследователь номадизма А. М. Хазанов высказывает такую точку зрения: «главное, кочевники никогда не могли существовать сами по себе, без внешнего мира, представленного неочевыми обществами с иными системами хозяйства. Напротив, кочевые общества могли функционировать лишь до тех пор, пока тот внешний мир не только существовал, но и предоставлял возможности – социальные, политические, экономические, культурные, словом, всесторонние – для того, чтобы кочевники оставались кочевниками» [Хазанов, 2008. С. 50].

То есть именно в параллельном гармоничном сосуществовании обоих миров был залог уникальности каждого из них. Можно сказать, они дополняли друг друга, не противореча своей внутренней природе. Представления некоторых ученых о кочевниках как о замкнутой закрытой кольцевой структуре, имевшие место еще в XX веке, были весьма пристрастны.

А. Тойнби заявлял относительно кочевников: «В этом всемирном обществе с его динамичной экономикой нет места для недоразвитой цивилизации и застойной экономики кочевых союзов, повторяющих вечно и неизменно свое движение по замкнутому кругу, проходя через одни и те же фазы годовых циклов»

[Турсунов, 1993. С. 98]. Однако Тойнби изучал только устоявшиеся, на его взгляд, «проверенные временем» цивилизации, практически все представляющие оседлый мир, в то время как о номадах сведений было не так много.

Сейчас уникум номадов представляет собой огромную малоисследованную область, так как его особенность заключается в распространенности практически во всех частях света, в тесных взаимосвязях с различными обществами и культурами.

Одной из самых интересных черт этого явления видится открытость номадов окружающему их миру, понимание и осознание единства, несмотря на разность в образе жизни. «Главный феномен номадизма, на мой взгляд, – подчеркивает А. М. Хазанов – и заключается в его неразрывной и необходимой (коль скоро он остается номадизмом) связи с внешним миром, т.е. с иными в экономическом, культурном и социально-политическом отношениях обществами» [Хазанов, 2008. С. 50]. Ярким примером тому может служить казахская кочевая культура. Г. К. Шалабаева отмечает, что «казахская цивилизация складывалась на базе уникального сопряжения, соединения кочевых и земледельческих особенностей» [Шалабаева, 2007. С. 219].

Н. Н. Крадин высказывает сходную точку зрения. Он пишет, что, учитывая массу фактологических материалов, «ученым давно пора отказаться от устойчивых стереотипов, сложившихся со времени классического эволюционизма и обобщенных Г. Чайлдом, согласно которым возникновение цивилизации всегда должно сопровождаться появлением письменности и урбанизации. Кочевые общества служат наглядным примером необходимости корректировки общепринятых представлений» [Крадин, 2007. С. 82].

Скорее всего, как раз это и объясняет формирование и последующий генезис специфических культурных парадигм, свойственных кочевникам, где наиболее герметичной является звериный стиль. Хазанов отмечает, что звериный стиль «бесспорно, является одним из выдающихся достижений кочевого мира. И семантика была весьма сложной и отражала как эстетические концепции кочевников, так и их религиозные воззрения и систему ценностей. Иначе говоря, звериный стиль отражал их мировоззрение» [Хазанов, 2000. С. 466].

Кочевая культура характеризуется исключительной общей стабильностью, что не мешает ей внутри быть подвижной, изменчивой. Это своего рода макрокосм, некое тело, состоящее из живых пульсирующих органов, имеющих разное предназначение, строение, жизненный ритм, но объединенных общей формой. Десятки этносов с их собственными самобытными культурами существуют под единым знаменателем – кочевьем.

Основной причиной этого является природно-климатический фактор, обусловивший именно такой образ жизни и, следовательно, мышления. Широта восприятия, являющаяся результатом многовековой жизни на огромных территориях, сформировала особое мировидение, основанное на антитезе времени-пространства,

макрокосма-микрокосма. Звериный стиль стал единственно адекватным образным языком, наиболее объективно выражающим все важнейшие космогонические и бытовые компоненты философии и социальной жизни кочевников. В самом названии стиля – «звериный» – уже заложены конкретные мыслеформы и их визуальные аналоги.

Это в корне отличается от доминанты геометрических и растительных образов в искусстве оседлых народов. Чем же это можно объяснить? Р. Генон утверждал, что «деятельность кочевников осуществляется специальным образом в животном мире, мобильном, как и они; напротив, именно у оседлых в качестве непосредственного объекта принимаются фиксированные растительный и минеральный миры» [Генон, 2003. С. 157]. В глубине этой дифференциации мы обнаружим философский вариант пространственно-временного континуума, где высшая диалектика уравнивает обе стороны. Именно поэтому звериный стиль как пространственная фиксация животного мира наиболее ярко персонифицирует картину мира центральноазиатских кочевников.

Звериный стиль по праву занимает особое место в сокровищнице мирового искусства не только ввиду самобытной иконографии, но как образец художественного осмысления уникального хронотопа, присущего общности разных этносов, объединенных одним информационным полем.

Археологические исследования доказали, что в центральноазиатском пространстве звериный стиль может быть выражен более или менее ярко, но он – неотъемлемая часть всего мира кочевников континента. Более того, имея в целом конкретные временные рамки, он самым существенным образом повлиял на формирование новых иконографических систем, транслируя в них архетипические духовные константы. Что же именно лежит в основе столь широкого географического проявления и такой мощной художественной выразительности?

Полноценное объяснение может дать синтез практических и теоретических наук, потому что, по справедливому высказыванию Е. Е. Кузьминой, «...археолог не слышит ни песен, ни сказок, ни плачей, которые записывает этнограф-фольклорист, не присутствует на торжественных церемониях, не видит трудов художника, не наблюдает за производственным процессом» [Кузьмина, 1986. С. 20].

Какова же историческая позиция скифо-сакского мира в евразийском и центрально-азиатском контекстах? Следует осветить две проблемные области: во-первых, как широко в географическом плане было распространено влияние скифо-сакского кочевого мира; во-вторых, в каком именно регионе звериный стиль представлен в наиболее «чистом» виде (что можно рассматривать как поиски его истоков), и какова причина этого.

Традиционная точка зрения гласит, что звериный стиль является квинтэссенцией философско-эстетических представлений кочевых племен, населявших огромные территории Центральной Азии, практически от Дальнего Востока до Западной Европы, и наиболее важное место занимали скифо-сакские племенные

союзы. Действительно, пытаясь изучить этногеографию кочевников эпохи бронзы и железа, невольно сталкиваешься с громадным пластом информации относительно разнообразия этносов, культур, образующих, тем не менее, единое жизненное пространство.

Скорее всего, точкой отсчета следует считать андроновскую культуру. Н. Э. Масанов пишет, что «древнейшими насельниками Казахстана являлись индо-иранские племена. В эпоху ранней и средней бронзы, охватывавшую II тысячелетие до н.э., проживали андроновские племена» [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, Алексеев, Баратова 2001. С. 19]. Здесь говорится о территории Казахстана, но можно смело утверждать справедливость этого практически для всего центральноазиатского региона.

В рамках андроновской существовало немалое количество местных культур, имеющих свои специфические признаки, но все они были участниками одного этногенеза. Б. Ирмуханов отмечает, что андроновцы «обладали ярко выраженной этнокультурной спецификой, которая явилась исходным этнокультурным субстратом в этнических процессах» [Ирмуханов, 2009. С. 77]. Этническое разнообразие явилось логическим итогом мощных передвижений индоариев в III тыс. до н.э. Масанов также утверждает, что «большинство ученых считает носителей андроновской культуры индоиранцами» [Там же. С. 21].

Андроновская культура сменила мелкие незначительные очаги, постепенно осваивая все новые территории, объединяя их общим типом хозяйства и социального уклада. Ее справедливо считают периодом расцвета бронзы в Минусинской котловине, Алтае, Туве. Также «уникальным явлением андроновской культуры является создание великого нефритового пути бронзы. Этот путь один из самых длинных путей древности. Он шел от Прибайкалья, пересекая Обь, Томь, Омь, Иртыш, Уральские горы, достигая Камы и Волги. Соединил андроновскую Сибирь с Восточной Европой» [Файзрахманов, 2000. С. 28]. «Путь бронзы» дал начало мощному культурному трафику, пересекающему огромные территории континента и сделавшему Центральную Азию своеобразным центром, узловым соединением.

Ю. Н. Рерих в своем фундаментальном труде «История Средней Азии» поставил себе цель изложить историю региона не с точки зрения соседних стран, а именно от имени этносов, являющихся его коренными жителями, хотя отсутствие у них собственных письменных источников значительно затрудняло дело, а мнение сопредельных государств чаще всего было предвзятым. Древние китайские хроники I тыс. до н.э. сообщают, что китайцам постоянно приходилось отражать набеги степных кочевников, которые «создавали особый быт, отражавшийся на культуре всей эпохи» [Рерих, 2004. С. 124].

Это наглядно демонстрирует, какую силу и влияние имели номады на сопредельные цивилизации. Обращаясь к истории Китая и оседлых культур восточноазиатского региона, можно увидеть, что в действительности эти империи всегда

опасались не столько угрозы территориального захвата, что было достаточно привычным явлением, сколько вторжения в «культурный ген». Поэтому неудивительно, что северный Степной пояс всегда представлял для китайцев постоянную опасность.

Ю. Рерих говорит о нескольких путях миграции скифских кочевых племен, отдавая должное Геродоту, с одной стороны, и богатейшему археологическому материалу, принадлежащему самим кочевникам, с другой. Согласно этим источникам кочевой мир всегда находился в движении, что сообщало ему невероятную мобильность сознания. Он приводит в пример современных номадов: «мы видим, что кочевое население всегда склонно приспособляться к изменившимся условиям, если таковые происходят постепенно» [там же. С. 138].

Скифо-сакские племена являются прямыми «наследниками» андроновской культуры, несмотря на различия в образе жизни (андроновцы в общей массе были оседлыми). Здесь следует упомянуть, что и скифы, и саки представляют собой сходные по образу жизни и мировидению этносы, все дело в разных исторических источниках. «Для греков в древности слово «скиф» означало не только принадлежность к определенному этносу, но и к северным кочевникам вообще, и то же самое означало слово «тюрк» для ученых Халифата», – пишет А. Хазанов [Хазанов, 2008. С. 52].

Персы называли северных кочевников саками, а Геродот – скифами. В Бехистунской надписи среди 23 данников Персии определенно фигурирует Скифия, называемая там «Сака». Тут же перечисляются все известные персам скифо-сакские племенные союзы: саки-хаомоварга, саки-тигрохауда и саки-парадарая (скифы заморские).

Чуть позже к ним присоединяются савроматы, аргиппей, аримаспы и «золото стерегущие грифы». Такое разнообразие можно объяснить только невероятной географической протяженностью скифского мира и мобильностью его представителей, а подтвердить археологическими артефактами, носящими черты только одной художественно-образной системы – звериного стиля. Подобное столь стремительное распространение элементов материальной культуры, в данном случае – ранних кочевников, должно подразумевать столь же стремительные перемещения ее носителей.

Примечательно, что где бы ни жили скифы, они сразу же формировали вокруг себя особый мир, где в сжатой, лаконичной форме всегда присутствовали константы кочевого мировоззрения, воспринимаемые как некий информационный код. Находясь на своих исконных территориях, или же в бытность на землях с иным жизненным укладом, древние номады влияли на оседлые народы, которые незаметно для себя начинали перенимать их простые и гармоничные взгляды. В. Ф. Гайдукевич сообщает, что «элементы местной скифо-сарматской культуры, проникавшие в античные рабовладельческие города северного Причерноморья, в частности

Боспора, не сразу привели к коренному изменению греческих основ уклада жизни, но важно, что процесс культурного взаимодействия начался с первых же этапов жизни городов» [Гайдукевич, 1949. С. 5]. Причем процесс этот был в целом односторонним. Все, что шло вразрез с их картиной мира, скифы просто не воспринимали, хотя в некоторых произведениях искусства причерноморских скифов явственно ощущается влияние древнегреческой Ольвии, но это не стало устойчивым фактором, а имело скорее эпизодический характер.

Нам доступны и другие сведения о немаловажной роли саков в истории средиземноморского и ближневосточного регионов в античную эпоху. Диадхи-наследники империи Александра Македонского были чрезвычайно озабочены возрастающей активностью и силой саков, «которые в это время активно действовали против селевкидских владений в Средней Азии. Именно против саков была направлена так называемая экспедиция Демодама. Наряду с саками, даями, парнами и другими народами Средней Азии господству Селевкидов здесь стали угрожать возрастающая мощь и стремления к независимости греческих наместников» [там же. С. 207].

Самыми западными из всех ираноязычных кочевых племен также считались сарматы. Жившие в VI–V вв. до н. э. в Степном поясе Центральной Азии и на территории современного Казахстана, они вынужденно переселились на Запад, оказавшись в итоге в Европе. «Поэтому история этих кочевых племен, особенно тех, что обитали в степях Северной Азии, должна рассматриваться как составная часть сарматского прошлого, к народам, обитавшим в казахстанских степях, часто применяют термин «скифы» или «восточные скифы», а тех, кто жил дальше к югу, в степях Центральной Азии, именуют преимущественно «саками», что представляет собой персидский эквивалент слова «скифы», – поясняет Тадеуш Сулимирский.

Получается, что все Причерноморье, юг современной России, некоторые территории Кавказа, области на севере Персии, так или иначе находились под властью скифов. Многие исследователи еще с древности всех их называли скифами, имея, однако, четкое мнение по поводу их локализации, разделяя Степи на «Малую Скифию», «Восточную Скифию» и т.д.

Сосуществуя с другими культурами и неизбежно испытывая чужеродные влияния, «культура кочевников главенствовала на всем протяжении этого огромного пространства, проявляясь в более грубой форме на Алтае и с большей утонченностью – у царских скифов на юге Руси. И это влияние не происходило исключительно в одном направлении, так как самобытная культура жителей степи, в свою очередь, чувствовалась, пусть и в меньшей степени, и в культуре Востока, и в культуре Запада», – подчеркивает Т. Райс [Райс, 2004. С. 6].

Схожие признаки мы видим и в противоположной от восточной Европы стороне – на юго-востоке евразийского степного пояса, в той его части, что вторгается в горную страну Тибета. Ю. Н. Рерих, исследуя эти недоступные прежде для европейцев области, практически на каждом шагу сталкивался со свидетельствами

высокого духовного развития «нецивилизованных варварских племен», как часто осмысливались номады. Он также впервые поставил вопрос о кочевниковедении как новой отрасли восточной археологии, которая позволит реконструировать целостную картину взаимосвязей древней истории Евразии от Китая до Средиземноморья.

Самым важным свидетельством уровня развития ученый считал именно археологические находки в зверином стиле, потому что это позволило раз и навсегда изменить предвзятое мнение о кочевниках. «Огромный интерес, вызванный замечательной, уникальной стилизацией, характерной для искусства кочевников, а также широкое распространение этого стиля среди разнообразных племенных групп Внутренней Азии и его громадное влияние на искусство соседних культур поставили на очередь вопрос о культурной роли кочевников», – утверждает Ю. Н. Рерих.

Предметы из скифских царских погребений юга России уже были известны науке, равно как и стилистика звериного стиля, но вот обнаружить его у кочевых племен Северного и Центрального Тибета и тем самым продвинуть южную границу его распространения значительно на юг, к северным склонам Трансгималаев было равносильно своеобразному прорыву в науке. Экспедиция была вынуждена констатировать, что пустынные нагорья Тибета неожиданно оказались богаты остатками древней кочевой культуры, сохранившейся и в быту современных тибетских кочевников. Находки нескольких «звериных» мотивов, хорошо известных из скифосибирских курганов, по мнению Ю. Рериха, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии и которая многократно упоминается в исторических хрониках Китая.

Эти открытия не только доказали общность древних народов Центральной Азии, но и позволили науке осуществить реконструкцию Модели мира кочевников, являющуюся ядром культурной памяти этносов всего региона. Исследования в Тибете высветили еще ряд важных вещей. Обнаружились устойчивые связи между археологическими находками разного типа, что повлекло новые умозаключения, своего рода «недостающие звенья». Местонахождения могил, сложенных из камня по древнему тибетскому обычаю, всегда соседствовали с мегалитическими сооружениями и артефактами в зверином стиле, образуя локальные очаги-центры.

Это очень важно, потому что тибетское нагорье – уединенная труднодоступная местность, избежавшая активного вмешательства других племен на протяжении долгого времени, можно сказать, изолированная, и как следствие, сохранившая в определенной мере первозданность. Экспедиция Рерихов с удивлением обнаружила «своеобразный головной убор местных женщин в форме овальной тигары (кокошника), орнаментированный медными пластинками в «зверином» стиле, драгоценными камнями и бирюзой. Антропологический тип местных кочевников отличен от их соседей» [Рерих, 2004. С. 34].

У местных жителей прекрасно развиты прикладные ремесла, и звериный стиль, несмотря на некоторую упрощенность, до сих пор четко прослеживается в художественном и композиционном решениях, используемых мастерами. Скорее всего, это означало, что среди разнообразия тибетских племен есть и те, кто является не просто прямыми потомками древних кочевников, но до сих пор сохраняющими живую традицию, пусть и не вполне уже понимая, что именно она из себя представляет.

Наблюдая столь обширную географию скифо-сакского мира, невольно задумываешься о причинах такой значимости звериного стиля. Искусствознание изучает историю и специфику художественных стилей с первобытных времен и именно по векам, запечатленным в произведениях искусства, чаще всего прослеживает их эволюцию. Однако нигде еще мы не сталкивались со столь масштабным территориальным распространением, а также «живучестью» во времени, кои демонстрирует звериный стиль.

Мы знаем много примеров стилей в искусстве, проявляющихся чрезвычайно ярко, влияющих на появление новых, но при этом остающихся в своих пространственно-временных границах. Но звериный стиль имеет совершенно другие характеристики. Будучи особой ментальной визуализацией, он является своеобразной *Anima Mundi* центральноазиатских кочевников на протяжении вот уже более двух тысяч лет.

Таким образом, география территорий, контролируемых кочевниками, чрезвычайно обширна и характерна неоднородностью природно-климатических параметров и обусловленных ими этническим и языковым разнообразием. Это индоевропейская группа, куда традиционно причислены саки, скифы и савроматы, уральские племена (ананьинская культура), алтайское языковое семейство (Монголия, Южная Сибирь, Северо-Западный Тибет).

Несмотря на четкие этнические дифференциации, поражает устойчивое внутреннее культурное единство. Именно оно «ответственно» за то, что мы до сих пор понимаем это время как «скифо-сакскую эпоху». «Общими для них, как и прежде, оставались оружие, конское снаряжение и искусство звериного стиля – то, что в археологии получило название «скифской триады», – подчеркивает М. И. Артамонов [Артамонов, 2006. С. 73].

Центральноазиатские кочевники не первые и не единственные, кто использовал зооморфные изображения, так как животные во всем своем многообразии были доминирующим сюжетом первобытного искусства в мировом масштабе. Но только скифо-сакский звериный стиль «обладает специфическими чертами, выделяющими его из всей совокупности зооморфных изображений, созданных художниками Старого и Нового Света в различные периоды» [Коренько, 2002. С. 6].

Однако, несмотря на огромные пространства евразийского Степного пояса, должен быть первичный культурный очаг, где и возник изначальный импульс,

распространившийся затем по всему миру кочевников. Мы полагаем, что таковым вполне может являться Центрально-Казахстанский регион с его богатейшим «металлургическим наследием». Так как сознание своей силы и ощущение превосходства, сопровождающее кочевника едва ли не с рождения, сформировано на ментальном уровне и закодировано посредством звериного стиля через металл.

Артамонов М. И. Сокровища саков // Евразийский народ САКИ. – Алматы, 2006. С. 64–179.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., 1949.

Генон Р. Избранные сочинения. Царство количества и знамения времени. М., 2003.

Ирмуханов Б. Загадки эпохи бронзы // Мысль. Республиканский общественно-политический журнал. 2009. № 8. С. 76–86.

Коренько В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеев А. Н., Баратова Г. С. История Казахстана: народы и культуры / Учеб. пособие. Алматы, 2001.

Райс Т. Т. Скифы. Строители степных пирамид. М., 2004.

Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. I. М., 2004.

Турсунов Е. Д. Единство эстетического опыта кочевых и не кочевых народов // Кочевники. Эстетика: познание мира традиционным казахским искусством. Алматы, 1993. С. 94–128.

Файзрахманов Г. Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

Шалабаева Г. К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности / Учебное пособие. Алматы, 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва)
- ГАОрО – Государственный архив Оренбургской области
- ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)
- ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук
- МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО (г. Самарканд)
- НА КазНИИ ПКНН – Научный архив Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов Министерства культуры Республики Казахстан
- НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Алматы)

Министерство культуры и спорта Республики Казахстан
Казахский научно-исследовательский институт культуры

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТОПОНИМИКА, ЭПИГРАФИКА, ИСКУССТВО**

Сборник материалов международной научной конференции

г. Астана,
18–19 ноября 2014 г.

Верстка и дизайн: Ивахнова Н.

Подписано в печать: 27.12.2014 г.
Формат: 60x84 $\frac{1}{16}$. Кол-во п.л. 27,5 б.т.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «CharterITC».
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Evo Press» ,
ул. Макатаева, 129/1
тел.: 8 (727) 279 71 34, 352 82 02